Выдумка художника с болезнью Альцгеймера

Он не может вернуть дочь, но может подарить ей лето, друзей, первую любовь и деревню, где её всегда ждут. Он дарит ей всё, что хотел бы дать ей в жизни.
И в этом придуманном мире у неё наконец появляется своя собственная история.



Титал Литал

Выдумка художника с болезнью Альцгеймера

«Автор»
2026

Литал Т.

Выдумка художника с болезнью Альцгеймера / Т. Литал — «Автор», 2026

Соня приезжает в деревню Хизов с одной-единственной открыткой в кармане: «Родная моя, я всё ещё здесь. Приезжай, когда сможешь. Я буду ждать». Она ищет человека, который написал эти слова. Это её отец, о котором мама не любит говорить.В деревне всё слишком красиво, чтобы быть правдой: дома яркие, как акварель, часы показывают разное время, луна никогда не убывает, а жители словно давно знают Соню. Здесь у неё появляются друзья, первая любовь и первый прыжок с трамплина. Только память отца уходит быстрее, чем лето, и каждое утро ей приходится напоминать ему, кто она.Но лето не бывает вечным. Чтобы его удержать, Соне придётся найти седьмой жёлтый.Тёплая повесть о памяти, прощении и о том, что любовь остаётся, даже когда мы забываем.

© Литал Т., 2026
© Автор, 2026

Титал Литал
Выдумка художника с болезнью Альцгеймера

Выдумка художника с болезнью Альцгеймера

Он не может вернуть дочь, но может подарить ей лето, друзей, первую любовь и деревню, где её всегда ждут. Он дарит ей всё, что хотел бы дать ей в жизни. И в этом придуманном мире у неё наконец появляется своя собственная история.

Глава 1. Открытка

Автобус доехал до конечной. Дальше он не ходил, и водитель, не глуша мотор, развернулся на пятачке у остановки, боясь задержаться здесь лишнюю минуту. Он ни разу не посмотрел на Соню в зеркало. Автобус пыхнул, тронулся, и по тому, как он уходил, было ясно: сюда он вернётся нескоро.

Она постояла, прижимая к груди рюкзак, и в сотый раз достала из кармана открытку. Углы совсем замялись. На лицевой стороне было нарисовано от руки: озеро, жёлтые домики, синие крыши и маленькое солнце, нарисованное чуть слишком большим. Внизу печатными буквами было выведено название: «Хизов». На обороте, неровным, торопливым почерком:

«Родная моя, я всё ещё здесь. Дом на краю деревни, где синие крыши. Приезжай, когда сможешь. Я буду ждать».

Ни даты. Ни подписи. Ни обратного адреса. Только слова, которые Соня знала наизусть и всё равно перечитывала, каждый раз цепляясь за какое-нибудь новое. Сегодня зацепилось «всё ещё».

«Всё ещё, – подумала она. – Значит, долго. Значит, правда ждал».

Мама о нём почти не говорила. Стоило Соне спросить, и мама отвечала коротко, отводя глаза: «Так вышло», – и бралась мыть посуду, хотя та уже была чистой. Соня давно перестала спрашивать. Но одну вещь она знала твёрдо, как знают, что завтра наступит утро: он не бросал её. Он просто не мог быть рядом. А если бы мог, не позволил бы ей расти без него.

Поэтому она и поехала. Не за объяснениями, которых взрослые так и не дали. За ним самим.

Она спрятала открытку, поправила лямки и пошла.

Деревня началась сразу, без предупреждения: просто асфальт кончился, и вдоль дороги потянулись дома. Деревянные, с резными наличниками, и такие яркие, что Соня на секунду зажмурилась. Жёлтый дом с зелёными ставнями. Голубой забор, бирюзовый, снова жёлтый. Будто кто-то прошёл вдоль улицы с огромной кистью и не пожалел краски.

Над дорогой склонилась старая берёза, и её ветки качались медленно, словно не хотели торопить этот день.

«Красиво, – честно подумала Соня. – Как с картинки».

Она шла и считала шаги, как всегда, когда было страшновато. На сто двадцатом шаге у калитки она заметила женщину с лейкой. Женщина поливала мальвы и вдруг замерла, подняв глаза. Она смотрела на Соню долго, мягко и очень грустно, как смотрят на человека, которого ждали и не думали уже увидеть.

– Здравствуйте, – сказала Соня.

– Здравствуй, милая, – ответила женщина и улыбнулась, а глаза остались такими же грустными. – Издалека?

– Из города. Я ищу художника. Он живёт где-то на краю деревни, там, где синие крыши.

– Художника… – повторила женщина, пробуя слово на вкус. – Это тебе к клубу. Там все знают. Иди прямо, не сворачивай.

– А крыши синие?

Женщина помолчала. Лейка в её руках чуть наклонилась, и вода тонкой струйкой потекла в пыль.

– Дойдёшь, – сказала она наконец. – Увидишь.

Соня кивнула, хотя ничего не поняла, и пошла дальше. Уже отойдя, она оглянулась. Женщина всё стояла у калитки и смотрела ей вслед.

Крыши, кстати, были вовсе не синие. Серые, ржавые, зелёные, одна красная, и ни одной синей. Соня заметила это почти сразу и решила, что отец, наверное, просто писал давно. Крыши красят, а память остаётся.

На столбе у поворота висели старые часы, из тех, что вешают на сельских площадях. Стрелки показывали без десяти три. Соня глянула на свой телефон: почти полдень. Потом на часы на стене магазина: двадцать минут шестого.

«Наверное, сломаны, – подумала она. – Деревня же».

Под ногами скрипел песок, а над головой кричали птицы. Всё вокруг было таким тёплым и добрым, что страх, сидевший у Сони в груди с самого утра, начал потихоньку таять. Наоборот, захотелось улыбаться. Странно, но казалось, что эта улица ждала её. Будто она не чужая, а просто давно не была дома.

Соня коснулась кармана с открыткой.

– Я иду, – сказала она вполголоса. – Подожди ещё чуть-чуть.

И тут за поворотом показалось большое жёлтое здание с белыми колоннами и тёмно-красным цоколем. Оно стояло чуть в стороне от домов, посреди пустого зелёного двора, и в его высоких окнах отражалось небо.

Клуб.

Соня глубоко вдохнула и пошла к ступенькам.

Глава 2. Клуб

Внутри клуба пахло старой бумагой, мелом и чем-то ещё, тёплым и знакомым, чему Соня не нашла названия. Она остановилась на пороге и подождала, пока глаза привыкнут к полумраку после яркой улицы.

Вестибюль был пуст. Широкая лестница вела наверх, в зал, где за высокими окнами стояло всё то же нескончаемое небо. Справа, за приоткрытой дверью, виднелись стеллажи, и оттуда лился жёлтый свет настольной лампы.

Соня постучала по косяку.

– Заходи, заходи, – отозвался негромкий голос. – Дверь не заперта. У нас тут всегда не заперто.

За столом, заваленным формулярами, сидела маленькая, очень старая женщина в вязаной кофте. Седые волосы были убраны в узел, а на носу сидели очки, которые она поправила, подняв глаза. Поправила и замерла, точно так же, как женщина у калитки.

– Ты пришла, – сказала она негромко.

Соня моргнула.

– Простите?

– Пришла к нам, – поправилась старушка и встала, опираясь на стол. – Я говорю, пришла к нам в библиотеку. Давно у нас никого не было. Чаю хочешь? Он у меня всегда горячий, сколько ни ставлю, всё горячий.

Соня хотела отказаться, но чашка уже стояла перед ней, и от неё поднимался пар. Она села, достала открытку и положила на стол.

– Я ищу человека, – сказала она. – Он художник. Живёт на краю деревни, где синие крыши. Вот, он писал.

Библиотекарша не взяла открытку. Она только посмотрела на неё, на нарисованное озеро, на жёлтые домики, на слово «Хизов» внизу, и губы её дрогнули.

– Красиво нарисовал, – сказала она. – Он всегда хорошо рисовал.

– Вы его знаете?

– Кто ж его не знает.

– Как его зовут?

Старуха повернулась к окну и долго молчала. Соне показалось, что она не расслышала вопроса. Потом библиотекарша вздохнула и сказала только:

– Он всякий. Для кого-то молодой, для кого-то седой. Это не про годы, девочка. Это про душу: она у него не стареет.

– Как это?

– Выпей чай, деточка. Остынет.

На стене над столом висели часы с кукушкой. Стрелки показывали без пяти три, и кукушка не выглядывала. Соня подумала, что часы сломались. Потом заметила, что маятник качается ровно и неспешно: время здесь просто шло своим, особенным путём.

В дверь заглянул мальчик. Лет шестнадцати, светловолосый, с торчащим вихром и с таким выражением лица, будто он только что придумал что-то необыкновенное и сейчас расскажет.

– Баба Нюра, там… – Он увидел Соню и замолчал. – А это кто?

– Это Соня, – сказала библиотекарша прежде, чем Соня успела открыть рот. – Соня приехала.

Соня удивилась: она ведь ещё не назвала своего имени. Но промолчала. Может быть, в деревне все знают всё про всех.

– Тимофей, – представился мальчик и протянул руку, как старому знакомому. – Ты к кому? К художнику?

– Откуда ты знаешь?

– А тут всегда к нему. – Тимофей пожал плечами. – Он молодой, весёлый, вечно в краске по уши. Но ты не бойся, он добрый. Я тебе покажу, где его искать. Тут рядом.

– Не рядом, – сказал кто-то у него за спиной.

В дверях показалась девочка. Тёмные волосы стянуты в тугой хвост, брови нахмурены, руки засунуты в карманы куртки. Она разглядывала Соню оценивающе и недоверчиво, не торопясь решать, можно ли ей верить.

– Это Варя, – шепнул Тимофей. – Она так со всеми. Потом привыкаешь.

– Вашего художника зовут по-другому, – сказала Варя, не обращая внимания на него. – Он седой. Молчаливый. И живёт далеко, за ручьём. Туда никто не ходит. Он сам к нам не выходит.

– Он молодой! – возмутился Тимофей.

– Он старый.

– Ничего подобного, я его сам видел!

– И я видела.

Они уставились друг на друга. Соня перевела взгляд с одного на другого и поняла, что оба говорят совершенно искренне.

«Значит, их двое, – подумала она. – Двое художников в одной деревне. Бывает».

– Мне нужен тот, у которого синие крыши, – сказала она, и вдруг от собственных слов ей стало неловко и очень тревожно, словно она произнесла имя вслух, а не просто описала дом.

– Синих крыш у нас нет, – сказала Варя.

– Были, – возразил Тимофей. – Раньше. Бабушка рассказывала.

Библиотекарша молча пила чай. Руки у неё дрожали, и Соня решила, что это просто старость.

– Ладно, – сказала Варя, помедлив. – Проведу тебя до леса. А дальше сама. Я там не хожу.

– А я пойду, – сказал Тимофей. – Я везде хожу!

Соня встала. У двери она оглянулась. Библиотекарша стояла у окна, глядя ей вслед, и в этом взгляде было столько любви и столько тихой печали, что Соня невольно вздрогнула.

– Приходи завтра, – сказала старушка. – Приходи, когда захочешь. Я здесь. Я всегда здесь.

Соня кивнула. Дверь закрылась, и яркий свет улицы ударил ей в глаза.

За клубом, там, где кончалась площадка, начиналась тропа. Она уходила в лес, к ручью, и по ту сторону зелёных стволов уже виднелась тёмная вода.

Глава 3. Мостик

Тропа за клубом оказалась мягкой и неширокой, с двумя колеями от велосипедов и россыпью одуванчиков по краям. Соня шла первой, Тимофей рядом, не умолкая ни на минуту: про лес, про ежей, про лося, который будто бы приходит к ручью по ночам. Варя шла чуть позади и молчала.

Лес начался внезапно. Только что вокруг стояло лето, жаркое и звонкое, а на следующем шаге стало прохладно, и воздух пах талой водой и прошлогодними листьями. Деревья стояли ещё голые и прозрачные, и сквозь ветви на траву падал бледный весенний свет.

– Здесь всегда весна, – сказал Тимофей, заметив её взгляд. – Не знаю почему. Так было всегда.

Соня оглянулась. Деревня осталась за стволами, но её жёлтая краска всё ещё мерцала между ветвями, как свет в чужом окне. «Странно, – подумала она. – Но, может быть, лес просто такой».

Ручей лежал в низине, тёмный, цвета крепкого чая. Через него была переброшена одна-единственная широкая доска, без опоры посередине. Перил не было, только тонкая железная труба, прибитая к колышкам с дальнего берега. Доска чуть прогибалась даже на вид.

Варя остановилась в трёх шагах от неё и дальше не пошла. Руки она засунула в карманы глубже.

– Дальше я не хожу.

– Почему? – спросила Соня.

– Потому что там забывают.

Тимофей фыркнул:

– Опять ты за своё.

– Ничего не за своё, – Варя не отрывала взгляда от воды. – Мне было девять. Я перешла, дошла до поворота. И стою. И не помню, зачем пришла. Вообще ничего. Ни куда иду, ни откуда. Даже как меня зовут. – Она сглотнула. – Потом всё вернулось, я бегом обратно. И больше нет.

– Может, ты просто испугалась?

– Я знаю, как бывает, когда пугаешься. Это другое. Там как будто кто-то стёр. – Варя наконец посмотрела на Соню, внимательно и серьёзно, совсем не по-детски. – Если пойдёшь, скажи своё имя вслух. На середине, громко. Чтобы оно осталось.

– Глупости, – сказал Тимофей. – Я везде хожу!

Он вскочил на доску и пошёл, раскинув руки, как канатоходец. Соня смотрела ему вслед и считала шаги. Он дошёл до другого берега, повернулся и крикнул, сияя:

– Я везде хожу!

Теми же словами, тем же голосом, с той же улыбкой. Соня моргнула. «Просто хвастун, – решила она. – Хвастуны всегда повторяются».

Она ступила на доску.

Доска оказалась уже, чем виделась снизу, и скользкой от сырости. Внизу темнела вода, неподвижная, как стекло. Соня не стала смотреть вниз. Она смотрела на трубу впереди, на далёкий берег, на Тимофея, который махал ей рукой, и считала. Один. Два. Три. Страх сидел в груди, но она всегда умела идти вместе со страхом, не споря с ним.

На середине доска качнулась, и Соня на секунду всё-таки глянула вниз. В воде отражалась девочка. Тонкая, с растрёпанными волосами, с рюкзаком за плечами. Только контуры у неё были чуть размыты, как мазок, который не успели растушевать.

– Меня зовут Соня, – сказала она вслух.

Получилось тихо, и она повторила громче:

– Меня зовут Соня!

Вода вздрогнула, и отражение стало чётче. Совсем чуть-чуть, но Соня заметила. Она выпрямилась и дошла до берега, уже не считая.

Варя на том берегу провожала её глазами. Когда Соня оказалась на земле, Варя коротко кивнула, развернулась и пошла обратно к клубу, не оглядываясь.

– Она всегда так, – сказал Тимофей. – Пойдём, я покажу тебе короткую дорогу.

Тропа за ручьём была странно тихой. Не было ни птиц, ни ветра, только их шаги. Тимофей рассказывал про лося, снова про лося, про то, как он приходит к ручью по ночам. Соня слушала вполуха и вдруг поняла, что он говорит это второй раз, слово в слово, как пластинка, поставленная сначала.

– Ты уже рассказывал, – сказала она осторожно.

– Правда? – Тимофей удивился. – А про что?

– Про лося.

– Какого лося? – Он нахмурился, и что-то в его лице на секунду погасло, как лампочка при скачке напряжения. А потом снова улыбнулся. – А, лось! Я тебе расскажу. Он приходит к ручью по ночам…

Соня больше не перебивала.

Между деревьями мелькнуло что-то синее. Она свернула с тропы, и Тимофей пошёл за ней. За берёзами стоял старый сарай, покосившийся и пустой. Крыша была обшита железом, и железо было выкрашено синей краской, давно облупившейся, выцветшей, но всё-таки синей.

– Ну вот, – выдохнула Соня. – Синяя крыша!

Она обошла сарай, заглянула в щель между досками. Внутри было пусто. Ни мольбертов, ни красок, ни людей. Только пыль и паутина, и пахло сыростью.

– Это не дом, – сказал Тимофей. – Это просто сарай.

Соня постояла, пытаясь справиться с разочарованием. Потом упрямо тряхнула головой.

– Значит, дом где-то рядом.

Они шли, наверное, час. Тропа петляла, сворачивала, снова выпрямлялась, а лес вокруг всё не кончался. Тимофей уже не говорил, а напевал что-то себе под нос. Наконец деревья расступились, и Соня выбралась на открытое место.

Перед ней стояло большое жёлтое здание с белыми колоннами и тёмно-красным цоколем.

Клуб.

На ступеньках, подперев голову кулаком, сидела Варя.

– Быстро ты, – сказала она. – Обычно дольше ходят.

– Я ничего не понимаю, – призналась Соня. – Я шла к дому, и вот…

– Знаю, – кивнула Варя. – Дорога не пускает. Но ты хотя бы помнишь, как тебя зовут?

– Соня.

Варя смотрела на неё долго.

– Хорошо, – сказала она наконец, и в её голосе впервые не было ни настороженности, ни недоверия, только тихая, непонятная жалость. – Завтра попробуем снова. Только я пойду с тобой до самого ручья.

– Ты же не ходишь.

– До ручья хожу, – ответила Варя и отвернулась, чтобы Соня не увидела её лицо.

Глава 4. Мастерская

На следующее утро Варя ждала её у клуба с двумя яблоками и таким лицом, будто всю ночь не спала.

– Одно тебе, – сказала она. – Одно мне. Пойдём.

До ручья они дошли молча. Тимофея с ними не было: он, по словам Вари, «где-то носился». У мостика Варя остановилась на тех же трёх шагах, достала из кармана красную нитку и повязала Соне на запястье.

– Зачем?

– Чтобы было что-то настоящее. Потрогаешь, если что.

Соня кивнула. Нитка была шершавая и тёплая от Вариных рук. Соня переступила на доску, дошла до середины, сказала громко: «Меня зовут Соня», и вода послушно вздрогнула. На другом берегу она оглянулась. Варя стояла на месте, маленькая и прямая, и подняла руку, не улыбаясь.

Теперь тропа вела по-другому. Вчера она петляла, хитрила, водила кругами. Сегодня Соня просто шла вперёд и сначала не поняла, что изменилось. Потом почувствовала запах. Масляная краска и скипидар, терпкие и острые, ни с чем не спутаешь. Этот запах тянулся сквозь лес тонкой нитью, и Соня пошла по нему, как по следу.

Сарай остался справа, синий и пустой. Дальше воздух стал холоднее, и на рукав упало что-то лёгкое. Снежинка. Соня подняла голову: сквозь голые ветки сыпался редкий, ленивый снег, будто лес решил, что пора зиме, хотя только что была весна.

Деревья расступились, и она увидела дом.

Он стоял на самом краю, там, где лес переходил в поле, и поле уже было белым. Невысокий, бревенчатый, с большим окном, повёрнутым к северу. Над дверью висел фонарь. А крыша была синей. Не выцветшей, не облупленной, а яркой, ровной, синей, как небо в самый ясный день. Снег лежал на ней, как сахар.

Соня остановилась. Горло сжало так, что стало трудно глотать.

«Он написал правду, – подумала она. – Он правда здесь».

Дверь была приоткрыта. Соня постучала, не дождалась ответа и вошла.

Внутри было светло и тесно. Всё пространство занимали холсты: прислонённые к стенам, сложенные стопками, натянутые на подрамники, развешанные под потолком. Озеро, поле подсолнухов, жёлтые домики, мостик над тёмным ручьём. Деревня на всех возможных картинах, при любой погоде, в любое время дня. Соня шла между ними осторожно, боясь задеть, и узнавала улицу, клуб, берёзы, даже сарай.

А на нескольких холстах были люди. Молодая пара: на ступеньках клуба, на берегу озера, на мостике. Лица написаны мягко, почти без черт, одним тёплым светом, но было видно, как они стоят, как держатся друг за друга.

– Ты пришла, – сказал кто-то за её спиной.

Соня обернулась.

У окна, у мольберта, стоял высокий худой старик. Седые волосы падали ему на лоб, пальцы были перепачканы синим и жёлтым, а в руке он держал кисть, с которой капала краска. Он смотрел на неё и не двигался. Он не удивился, не испугался и не спросил, кто она. Он просто смотрел, как смотрят на человека, которого ждали так долго, что уже перестали верить.

– Здравствуйте, – сказала Соня. Голос у неё получился чужой, тонкий.

Старик сделал шаг. Потом ещё один. Кисть звякнула о пол, но он не заметил.

– Ты так на неё похожа, – сказал он почти шёпотом. – Господи. Так похожа. Красивая…

– На кого? – спросила Соня.

Он моргнул. Что-то в его лице дрогнуло и потерялось: он потянулся за словом, а слово ушло.

– На… – начал он и замолчал. Рот его приоткрылся, закрылся, пальцы сжались. – Я знал. Я только что знал. Сейчас.

– Ничего, – быстро сказала Соня. – Не надо. Я…

Она достала из кармана открытку и протянула ему. Руки у неё дрожали.

– Это ваше?

Старик взял открытку, и лицо его постепенно прояснилось. Он поднёс её ближе к глазам, провёл большим пальцем по нарисованным домикам, по слову «Хизов», по маленькому солнцу, слишком большому.

– Я нарисовал, – сказал он. – Помню. Я не отправлял. Хотел, но не помнил адреса. Я долго думал, потом забыл, что думал. – Он перевернул открытку и прочёл вслух: – «Родная моя, я всё ещё здесь». Да. Это я.

– Она у меня с тех пор, как я себя помню, – сказала Соня едва слышно, не дыша.

Он поднял на неё глаза. Они были светлые, почти прозрачные, и в них стояли слёзы, которых он, похоже, не замечал.

– Соня, – сказал он. – Тебя зовут Соня.

– Да, – прошептала она.

– Я помню. Имя помню. – Он улыбнулся, неловко и счастливо, как ребёнок, который выучил трудное стихотворение. – Я хотел не забыть. Каждый день повторял. Соня, Соня…

Она не помнила, как оказалась рядом. Не помнила, как его руки, шершавые, тёплые, пахнущие краской, обхватили её плечи. Снаружи падал снег, на подрамнике сохла синяя полоса, а где-то далеко, в другом времени, пело радио. Соня зарылась лицом в его свитер и поняла, что ей не нужно спрашивать, он ли это. Она знала.

Над их головами, на старой верёвке, как бельё, висели рисунки. Много рисунков, один и тот же сюжет: девочка у ручья. Девочка на мостике. Девочка на ступеньках клуба. Каждый раз немного другая: то с короткой стрижкой, то с длинными волосами, то выше, то ниже ростом.

Соня заметила их позже, когда он уже заваривал чай и никак не мог вспомнить, где стоят чашки.

– Это я? – спросила она, указав на верёвку.

– Это ты, – ответил он, найдя наконец чашку. – Я тебя рисую. Пока помню. Каждый раз вспоминаю заново.

Он улыбнулся ей, а она улыбнулась в ответ, потому что на свете не было ничего правильнее, чем эта комната, этот снег за окном и этот человек, который держал в руках две чашки и очень старался не забыть, зачем.

Глава 5. Озеро

Обратно Соня шла как во сне. Она не заметила ни снега, который растаял, едва она отошла от дома, ни весеннего леса, ни мостика. Она очнулась только у ручья, когда Варя схватила её за рукав.

– Ну? – спросила Варя. – Нашла?

Соня хотела ответить сразу, но слова застряли. Она посмотрела на красную нитку на запястье и только кивнула.

– Нашла.

Варя выдохнула, как человек, который долго нёс тяжёлое и наконец поставил его на землю. Она ни о чём больше не спросила. Просто взяла Соню под руку, и они пошли к деревне.

Перед уходом отец сказал: «Приходи завтра. Если не забуду, буду ждать. А если забуду, напомни, что я тебя ждал». Он сказал это просто, без горечи, как говорят о погоде. Соня пообещала. И почему-то ей показалось, что обещание это важнее всех, что она давала в жизни.

Ночевать её оставила Баба Нюра. Не спрашивая и не предлагая, а просто сказала: «Наверху комнатка есть, там тепло», и повела по лестнице за библиотечным залом. В комнатке стояла узкая кровать, застеленная белым, на подоконнике цвела герань, а на стене висели те же часы с кукушкой. Стрелки показывали без пяти три.

– Они у вас сломаны? – не выдержала Соня.

– Они у меня идут, – ответила Баба Нюра и вышла.

Вечером на озеро пошли все вместе.

Вода лежала неподвижная и гладкая, как зеркало, и небо в ней было таким же, как над головой, только чуть темнее. На дальнем берегу тёмной стеной стоял сосновый лес. Слева, у самой воды, поскрипывал старый деревянный трамплин, с которого днём прыгали купаться, а под ногами лежал мягкий, тёплый песок, ещё хранивший дневное солнце.

Тимофей приволок дрова, Варя вытащила из рюкзака картошку и фольгу, и скоро на берегу горел небольшой костёр. К ним подошли ещё ребята, человек пять, незнакомые, но, кажется, давно знавшие Соню. Они улыбались, освобождали ей место на бревне и называли её по имени.

Соня сидела у огня, подтянув колени, и слушала. Здесь говорили о всякой всячине: о том, у кого собака ощенилась, о том, как лучше ловить пескарей, о том, что завтра, наверное, будет жара. Время от времени кто-нибудь начинал смеяться, и смех подхватывали остальные.

– Расскажи про город, – попросила Варя.

– Какой? – не поняла Соня.

– Из которого ты приехала.

Соня открыла рот и вдруг растерялась. Она знала, что город большой, что там шумно и много людей. Знала, что мама (маму она помнила: усталую, тёплую, вечно торопящуюся) работает допоздна. Но когда попыталась вспомнить свою улицу, номер дома, школу, лица одноклассников, в голове стало светло и пусто, как в комнате, из которой вынесли мебель.

– Там… шумно, – сказала она наконец. – Я, наверное, устала. Завтра расскажу.

Варя посмотрела на неё и не стала настаивать. Только придвинулась чуть ближе и положила ладонь ей на спину, как кладут тому, кому холодно.

Тимофей тем временем рассказывал про лося, снова про лося, и Соня невольно улыбнулась, потому что ребята слушали так, будто слышали впервые. Рассказ про лося кончился. Через несколько минут Тимофей начал его заново. И все слушали.

Соня достала телефон, чтобы проверить время. Экран вспыхнул: шестьдесят один процент заряда, нет сети. Она убрала его в карман. Через час посмотрела снова. Шестьдесят один. Время на экране не двигалось, застыв на той минуте, когда она вышла из автобуса.

«Сломался, – подумала она. – Или батарея барахлит». Но подумалось это мимоходом, как думают о чём-то неважном, и она забыла, едва отвела взгляд.

Стемнело. Над водой поднялась луна, огромная, чуть желтоватая, и от неё через всё озеро протянулась светлая дорожка. Ребята притихли.

– Луна у нас всегда полная, – сказала Варя негромко. – Кто-то смотрит и не замечает. А я заметила, когда мне было лет десять. Я каждый вечер считала: не меняется. Ни убывает, ни растёт. Просто висит.

– Может, у вас такой климат, – попыталась пошутить Соня.

– Может, – согласилась Варя. – А может, кто-то так нарисовал.

Она произнесла это без улыбки. Костёр потрескивал, искры взлетали и гасли в темноте. Соня хотела спросить, что Варя имеет в виду, но к ним уже подсел Тимофей с печёной картошкой, и разговор расплылся, как круги по воде.

Поздно, когда почти все разошлись, Соня осталась у воды одна. Варя ушла домой, пообещав завтра зайти. Тимофей уснул, уткнувшись носом в рюкзак. Огонь догорал.

Соня села на большой камень у самой воды. Он был плоский и ровный, почти прямоугольный, будто его давным-давно выбрали нарочно, чтобы на нём сидели и смотрели на озеро. Камень ещё хранил тепло дня. Соня смотрела на огромную, яркую, полную луну, на светлую дорожку на воде, на тёмный лес по ту сторону и думала об отце. О том, как он держал две чашки и боялся забыть зачем. О том, как повторял её имя каждый день.

Он ждал, и она не могла назвать это ни радостью, ни грустью. Просто чувствовала, что в груди растёт что-то большое и тёплое, как этот вечер.

На дальнем берегу, у самой кромки леса, мелькнул свет. Тусклый, жёлтый, как от керосиновой лампы. Соня прищурилась. У огонька сидел кто-то, склонившись над чем-то плоским на коленях. Фигура была небольшая, неразличимая в темноте. Но когда Соня шевельнулась, огонёк качнулся, и человек поднял голову.

Она не видела лица. Только ощутила, что он смотрит на неё. И что он улыбается.

Потом он поднял руку и помахал.

Соня, сама не зная почему, помахала в ответ.

Глава 6. Мальчик

Утром Соня снова пошла через мостик. На этот раз Варя дошла с ней только до трёх шагов от доски, как и обещала, и ничего не сказала. Красная нитка на запястье натянулась, когда Соня ступила на дерево, и сразу ослабла.

Отец сидел на крыльце и смотрел на снег. Он поднял глаза, когда она подошла, и на лице его появилась вежливая, чуть растерянная улыбка. Так улыбаются людям, которых видят впервые.

У Сони сжалось сердце. Но она вспомнила, о чём он просил.

– Здравствуйте, – сказала она. – Я Соня. Вы меня ждали.

Слова что-то повернули в нём. Он поднялся, медленно, держась за перила, и губы его задрожали.

– Соня, – выдохнул он. – Ждал. Конечно ждал. Прости, я…

– Ничего, – перебила она. – Я напомню. Сколько понадобится.

Он кивнул, и они пошли пить чай. Весь день он рисовал её, а она сидела на табурете у окна и смотрела, как краска ложится на холст, и ей было спокойно, как бывает только дома.

Правда, сидеть смирно оказалось труднее, чем она думала. Через десять минут у неё зачесался нос, через двадцать затекла нога, а на тридцатой Соня не выдержала и показала холсту язык.

– Не вертись, – сказал отец, не отрываясь от кисти.

– Я не верчусь. Я протестую.

– Тогда протестуй тише. У тебя левая бровь поехала.

Соня фыркнула, бровь поехала ещё сильнее, и он засмеялся, тихо и удивлённо, будто давно забыл, что умеет.

К вечеру она вернулась на озеро одна: за день накопилось столько всего, что не с кем было этим поделиться. Ноги сами принесли её к камню. К большому плоскому камню, который хранил тепло дня и на котором можно было сидеть, как на троне.

На камне уже кто-то сидел.

Мальчик. Вытянув ноги, откинувшись на руки, он смотрел на воду так, будто камень принадлежал ему по праву. Светлые волосы падали на лоб, и в них белели пряди, ровные и яркие, как свет. Белая футболка, потёртые джинсы, три браслета на запястье, наушники на шее. Рядом лежал блокнот, а в траве валялись фломастеры, россыпью, как конфеты.

«Это он», – поняла Соня. Тот, что вчера махал с другого берега.

Мальчик обернулся и улыбнулся так, как умеют улыбаться люди, привыкшие, что им улыбаются в ответ.

– Привет, – сказал он. – Я думал, ты не придёшь. Я Данила.

– Соня.

– Знаю. – Он подвинулся, освобождая ей край камня. – Ты вчера мне помахала.

– Ты первый махнул.

– А ты могла не ответить.

Это была правда, и Соня не нашла, что возразить. Она села на край камня, на безопасном расстоянии, и стала смотреть на воду, потому что на него смотреть было как-то неудобно.

Данила взял блокнот, перевернул пару страниц и протянул ей.

– Смотри.

На листе была вчерашняя ночь. Озеро, лунная дорожка, трамплин. Силуэт девочки, сидящей на камне и смотрящей на воду. Фломастеры ложились неровно, но он поймал главное: тишину, и то, как лунный свет лежит на плечах. Девочка была тонкой, с растрёпанными волосами. Он не видел её лица издалека, но нарисовал так, что Соня сразу узнала себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.